

ПРОЦЕССЫ НОМИНАЦИИ В СФЕРЕ РЫБОЛОВЕЦКОЙ ЛЕКСИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА

В. И. МАКАРОВ

Непрерывное развитие общества постоянно вызывает к жизни новые понятия, требующие языкового обозначения. Очень редко для этой цели создаются совершенно новые слова, чаще пользуются уже существующими, которые или приобретают новые значения, или кладутся в основу создания новых слов с помощью имеющихся в распоряжении языка аффиксов. По общепринятой точке зрения, большинство слов всегда мотивированы. Но в одних из них связь значения и мотивировочного признака (признака предмета, положенного в основу наименования последнего) наглядна, в других затухает, в третьих отгадка может быть найдена лишь в результате глубокого этимологического анализа.

В данной статье мы попытаемся показать некоторые из мотивировочных признаков, обусловивших появление тех или иных специальных и общенародных слов, употребляемых русскими рыбаками. В целом ряде случаев будет проведено сопоставление с фактами других славянских языков и венгерского языка, генетически неродственного русскому: тем больший интерес представят факты не только различий, но и тождеств в способах создания слов в этих языках.

В лексике русских рыбаков выделяются, во-первых, слова, возникшие в результате различных типов переноса наименований общенародных фактов действительности на профессиональные, и, во-вторых, слова, появившиеся как прямые наименования на основе общенародного или диалектного корня. Рассмотрим эти группы.

Осторожной природной наблюдательностью народа, его умением видеть в явлениях существенное, подмечать характерное, выделять особенное и устанавливать общее, его любовью к колоритным сравнениям, неожиданным сопоставлениям объясняется обилие в любом языке слов с фигуральным значением. А. А. Потебня писал: „... следует признать за факт, что во всех языках более или менее есть склонность находить общее между впечатлениями различных чувств. Вполне убедительным доказательством существования такой общечеловеческой склонности может служить язык, но, разумеется, только для того, кто считает все фигурные выражения (а в языке, сказать между прочим, нет непереносных выражений) не за роскошь и прихоть, а за существенную необходимость мысли.”[1]

С помощью аналитико-синтезирующих операций мышление не только проводит выделение в каждом предмете или явлении совокупности признаков, но и группирует различные предметы и явления вокруг общего признака, а общность признака позволяет использовать для наименования одного пред-

мета название другого предмета, связанного с первым такой общностью. Значит, семантическое словообразование в профессиональной терминологии-это терминологизация слов, по происхождению непрофессиональных или относящихся к какой-либо другой профессии, переосмысление этих слов. Обратимся к примерам.

В значении „входное отверстие в вентере” (вентерь-венг. szárnyas-varsa) рыбаки различных русских территорий используют термины: горло (обще-профессиональный) и рот (местный). Обращает на себя внимание параллелизм, исходная тематическая близость слов, ставших в результате переноса общепрофессиональными и профессионально-диалектными терминами. Этот же термин известен польским- gardziel-и болгарским-гърло -рыбакам. У венгерских сентешских рыбаков эта часть орудия лова, видимо, также получила своё название в результате переноса по функции, материально воплотившись, правда, в иной лексеме: fej [2].

Название другой части вентеря-каждого из деревянных колец, на которые натянута сеть-создавалось русскими и венгерскими рыбаками совершенно по-разному. Образование терминов русских рыбаков шло путём прямого наименования реалии по признаку её формы: обруч, катель. Слово „обруч” восходит к корню „рук-”: об (т. е. вокруг) + руч (где ч ← к); „катель”, вероятно, связано с корнем катмкот, в диалектах нередко выражающим значение „круглый”. По свидетельству Нири А., сентешские рыбаки также знают в указанном значении славянский термин abroncs.

На других территориях венгерским рыбакам известен метафорический в своём первоисточке термин káva, использующийся также и лексикографической литературой. За пределами терминологии рыбаков káva имеет значения: 1. колодезный сруб, кромка колодезного сруба. 2. ниша, откос. 3. нижняя часть клюва. Наиболее близким к семантике рыболовецкого термина является первое значение общенародного слова: конструкция вентеря представляет собой сетный слобб, натянутый на несколько больших деревянных колец. Подобно кромке колодезного сруба, верхнее основание вентеря тоже опоясывается ободом, в функции которого выступает деревянное кольцо.

Древним славянским рыболовецким термином является термин крыло-сеть невода от неводного мешка до края орудия лова, а также сетные стены по бокам вентеря. Сравните, у польских рыбаков: skrzydło; чешских: křídlo; болгарских: крило. Описываемая часть орудия лова служит для направления рыбы в ловушку. Следовательно, перенос имени связан не с функцией предмета, а с его местоположением: „... крыло ... боковая часть, одна из двух сторон чего-либо... Сеть у невода, находящаяся по обе стороны мотни...” [3]. В таком значении слово знают и венгерские рыбаки: szárny -крыло верши. По убеждению Янко Яноша, и слово varsa и понятия szárnyas-varsa, vesszővarsa (прутяная верша) заимствованы венграми у русских [4]. Впервые слово varsa фиксируется в венгерском языке уже в далеком прошлом-в 1211 году [5]. Вместе с понятием венгры могли если не перенять звуковой облик слова, то во всяком случае найти ему соответствие в своем языке, что поддерживалось наличием слова в других славянских языках, как это мы уже показали. Такому предположению не препятствуют наличие у венгерского слова szárny других лексико-семантических вариантов: 1. крыло самолёта. 2. фланг. 3. флигель здания. Все эти значения развились у слова позже вместе с более поздним появлением самих реалий.

Видимо, также древен и другой термин славянских рыбаков, метафорический по своему происхождению: очко-каждое из звеньев сети, ячейка. Сравните: у украинских рыбаков-очко, вічко, белорусских-вочка, польских-око, oczko, чешских-оёко, око, кашубских-vúko и т. д. Этимологию рыболовецкого термина подтверждают данные русских диалектов, в частности северо-западных [6], а также говоров Волго—Каспия, где в этом значении, наряду с „очко”, функционирует термин глаз [7]. Обращение к венгерскому языку позволяет увидеть, что в нем бытует в этом же значении слово szem, в точности соответствующее русскому общенародному „глаз”.

Можно предполагать, что не только русское, но и венгерские рыболовные термины, возникшие в результате метафорического переноса наименования, впоследствии теряют свою исходную экспрессивность. Такое предположение связано с тем, что, становясь терминами, слова начинают выражать уже не лексическое значение, за ними закрепляется чисто понятийное содержание. В этой связи Д. С. Лихачев писал: „Технический язык самых разнообразных профессий полон слов, заключающих какой-либо образ, метафору...” И далее, приводя ряд подобных слов, ученый указывал: „... все эти слова метафорические, может быть и имевшие когда-то эмоциональную зарядку, но давно уже её утратившие и ставшие чисто техническими, номенклатурными терминами” [8]. Это в какой-то мере подтверждается и тем, что сами рыбаки далеко не всегда могут точно мотивировать обозначение той или иной реалии генетически переносным наименованием или видят переносность там, где её нет: связь эта перестала или ощущаться, затерялась, а в результате этого, естественно, угасла и образность.

В профессиональной лексике русских рыбаков отмечен термин кукла-стандартный кусок сетного полотна длиной 60—150 метров в фабричной упаковке. На наш вопрос о причинах такого названия нижедонские рыбаки дали разные ответы. Одни объясняли его внешним сходством куска с коконом шелкопряда (венг. selyemgubó, selyemhernyó) называемым специалистами „куклой”. Другие связывали его название с общенародным „кукла”. В русских говорах-донских, терских, астраханских, псковских и других-используется слово рынок в значении „подводный выступ в берегу или дне реки”. Происхождение этого термина рыбаки объяснили так: „рынок” потому, что, если не знаешь дна, его не минешь, как и базара. Подобная этимология, конечно, ложна.

Венгерские рыбаки пользуются термином vasmacska (Nyíri, 94), немецкие-Katza, русские-кошка. Уже сама соотнесенность термина в этих языках с одним и тем же мотивировочным признаком, а через него с одним и тем же предметом реальной действительности указывает на объективность установленной связи: подобно кошке (по объяснению донских рыбаков), крепко захватывающей лапами свою добычу, якорь сильно вонзается в дно и крепко держит лодку или сеть. Сомнениям в правильности этимологии термина не остаётся места, если учесть, что указанный перенос послужил, например, у русских рыбаков стимулом и источником другого переноса: каждое острое рыбацкого якоря получило у них название лапка, благодаря чему между обоими терминами установились причинно-следственные отношения.

Заслуживает внимания тождество или близость в разных языках мотивировочных признаков в назывании частей рыболовного крючка. Отстрый конец его русские рыбаки называют жало (венг. буквально fulánk); это же слово

отмечено у польских *ządło* [9] — и болгарских-жило [10] — рыбаков. Название части крючка, цепляющей рыбу, обнаруживает соответствия в русском и венгерском языках. Сравните: русское бородка, венгерское *szakáll*. Однако сам по себе этот факт не указывает на специфически русско-венгерскую связь процессов словообразования, поскольку приведенный для русского языка термин знают также польские- *bródka*-и болгарские-брадичка -рыбаки. В связи с этим можно предполагать заимствование венгерским языком у славян мотивировочного признака данного термина.

Ещё один факт семантического словообразования сближает терминологию венгерских рыбаков со славянской терминологией. Для вязания и ремонта сетного полотна служит приспособление, называемое русскими и украинскими рыбаками и глица, глица, гличка, польскими-*iglica*, чешскими *sítóvasí jegla*, болгарскими-игла. По такому же пути пошло образование термина и у венгерских рыбаков: *hálb-tű* (буквально: игла для сетей; ср. с чешским: *sítóvasí jehla*). Та часть описываемого приспособления, на которую наматывается нить, получила совершенно одинаковое наименование у венгерских и русских рыбаков разных территорий: венг. *puelv*, русск. язык, язычок.

Само собой разумеется, что образный взгляд на профессиональные и общенародные предметы и явления носителей разных языков не может совпадать всегда и во всех деталях. Это связано как с возможностью коллективного мышления разных народов подчеркивать в одном и том же предмете посредством наименования разные его признаки, так и обилием в окружающем нас мире сходных по каким-то признакам предметов, что создаёт возможность широкого выбора каждым языком конкретного пути метафоризации и уменьшает вероятность совпадения этих путей в разных языках. По свидетельству Нири Антала, у венгерских сентешских рыбаков части весла имеют следующие обозначения: *szár*-ствол, *kamattu* -утолщенная ручка весла, *fej*-лопасть. Последняя часть функционально важная в весле, потому сентешские рыбаки и дали ей наименование *fej*. Во многих украинских и русских говорах эта часть весла названа „пером”, чем подчеркивается не столько функция предмета, сколько его форма и местоположение. Слово головка также используется украинскими у русскими рыбаками для обозначения части весла, однако у них оно семантически соответствует сентешскому *kamattu* и мотивировано другими признаками предмета, прежде всего, видимо, его местоположением и формой. Такая широкая функциональная амплитуда употребления термина стала возможной благодаря многозначности слова *fej* и „голова” в венгерском и русском языках. В венгерском, например, *fej* означает: 1. часть туловища. 2. глава, руководитель. 3. головка (капусты), початок (кукурузы). 4. шляпка (техническое). Такая многозначность слова в языке порождает широкую вариантивность переноса его наименования. Русским говорам одной территории (донским, нижеволжским, каспийским, например) слово перо известно в трёх значениях, возникших с помощью семантического словообразования: 1. каждый из плавников рыбы. 2. гребущая часть веста. 3. гребущая плоскость руля в лодке. У венгерских водников словообразование в данном случае пошло разными путями: *fej*-гребущая часть весла, *kormánylapát*-гребущая плоскость руля (буквально „управляющая, рулевая лопасть”). Трудно объяснить, почему *lapát* не стало в венгерском языке также и обозначением лопасти весла, несмотря на явное сходство реалий. Возможно, в данном случае верх взяла действующая во всех языках тенденция к четкому языковому разграничению близких

специальных или профессиональных явлений. О их исключительной близости свидетельствуют уже факты болгарского и русского языков: А. Спасова, говоря о морской рыбацкой терминологии, общей для болгарского и румынского языков, приводит в значении „весло” болгарское *лопата* и румынское, вероятно, заимствованное *loratá* [11]. В говорах, значительно удаленных не только от территорий Венгерского государства, но даже от территории первоначального пребывания венгров до периода обретения ими родины, в колымских русских говорах, также записано слово *лопата* в значении „лопасть весла” [12]. Такая параллель является свидетельством того, что общность метафорического словообразования в разных языках может явиться не только результатом тех или иных языковых контактов, но и плодом совпадения фактов спонтанного развития семантики соответствующих слов в этих языках.

Более ярким подтверждением только что сказанного может служить наличие в терминологии венгерских и русских рыбаков глаголов, созданных путем тождественного семантического переосмысления. Как известно, из всех частей речи наибольшую способность к заимствованию обнаруживают имена существительные, что вызвано в большей мере факторами нелингвистическими, глаголы же заимствуются значительно реже. Количественно значительно уступают словарным заимствованиям заимствования мотивировочных признаков. В последнем случае также вербальные заимствования значительно уступают субстантивным в количественном отношении. Из этого следует, что совпадение модели семантического словообразования глаголов в разных языках скорее всего является результатом не заимствования, а параллельного внутриязычного развития. Обратимся к примеру. В объективной действительности каким-либо общим признаком нередко обладают действия, процессы, даже не связанные друг с другом пространственно или функционально. Обозначение процессов, содержащих этот признак, одним словом возможно потому, что оно представляет собой единство устойчивого и изменчивого [13]. Именно устойчивость центрального лексико-семантического варианта слова делает возможным перенос его лексемы создание нового слова. В русском языке глагол „резать” имеет такие основные общенародные значения: 1. Разделять на части, отделять от целого острым орудием (ножом: лезвием и т. п.). 2. Убивать острым орудием. 3. Делать операцию кому-либо. 4. Обрабатывать поверхность чего-либо режущим инструментом, резцом, нанося изображение, узор. 5. Скользя по какой-либо твердой поверхности, врезаясь в неё, оставлять следы, борозды [14]. Последнее значение слова позволило ему расширить рамки своего употребления: на многих территориях русские рыбаки употребляют его в специальном значении: „подрез Ать бичеву-подпускать её под водою” (В. Даль). На Дону: подрезать-при вытаскивании невода на берег поднимать из-под верхнего каната сеть невода и нижний канат, чтобы рыба не уходила из невода. У рыбаков Терека подрезная-нижний канат бредня [15]. При движении невода нижний канат орудия лова идет по дну быстро и резко, как будто режет и воду и растения. При этом он вонзается глубоко а нижний канат орудия лова идет по дну быстро и резко, как будто режет и вод в ил. Поэтому такое действие русские рыбаки также обозначают глаголами: рЕзаться, зарЕзаться, зарезАзаться, зарЕзать. Эти термины настолько распространились среди рыбаков, что вошли даже в специальную литературу. В одном из пособий по неводному рыболовству читаем: „... подбора (т. е. канат-В. М.) погружается в ил, и невод зарезаети застревает в ил...” И не-

сколько дальше: „... грузеная подбора зарезается в ил [16]. Сентешские рыбаки Венгрии использовали в этом значении такой же глагол: *vág*. Нири Антал при этом специально подчеркивает, что такой термин — достояние именно профессионального языка рыбаков. Говоря о специальном приспособлении сентешских рыбаков-*pös*, исследователь поясняет: *Ez a puha sásból, vagy szénából való pös nem ereszti bele a hálát az iszapba, nem ragad bele, halász nyelven: nem vág el!*” [Nyiri, 62/].

Различия языков в выборе мотивировочных признаков нельзя рассматривать как следствие различий в мышлении народов. Речь идет лишь о том, какой признак того или иного предмета или процесса данный народ рассматривает как примечательный. При этом, как показали наши наблюдения над лексикой донских рыбаков, не всегда этот признак является важнейшим признаком предмета. Для наименования может быть выбран и второстепенный признак, если он бросается в глаза, выделяет этот предмет из группы других. Ещё Л. Фейербах, говоря о источнике наименования, подчеркивал, что им может стать любой приметный признак: „Что же такое название? Служащий для различения знак, какой-нибудь бросающийся в глаза признак, который я делаю представителем предмета, характеризующим предмет, чтобы припомнить его в его целостности.” [17]

Несмотря на то, что рыбы в пределах семей, видов или подвидов имеют между собой больше общего, чем различий, а особенности формы рыб вообще настолько специфичны, настолько отличаются от всего, находящегося за пределами данного рода живых организмов, в общенародном русском языке и его диалектах наименования рыб, в которых отражено образное мышление народа, представлены очень широко.

Рыба *Pelecus cultratus* характеризуется выпуклостью брюшной линии при прямой спинной линии, что делает её похожей на лезвие режущего инструмента. Обратимся теперь к говорам русского языка: в одних название в общей форме указывает на наличие какой-то особенности определенной части рыбы-б^ок^ов^ня (на Дону), в других слово содержит конкретное указание на примечательную особенность рыбы-к^ос^арь (казанские, рыбинские, орловские, нижнедонские и другие говоры), к^ос^а (донские, северо-восточные говоры), с^аб^ля (донские, терские, казанские говоры). Среди различных точек зрения на этимологию слова „чхонь” для нас особенно интересна та, согласно которой и это слово содержит в себе указание на форму рыбы. Так, известный русский ихтиолог Л. П. Сабанеев пишет: „Коренное же название этой рыбы (чехони-В. М.), по мнению некоторых, происходит от слова „чешуя”, которая у её легко спадает и потому обращает на себя внимание; но вернее предположить, что и „чеша” и „чехонь” даны ей тоже по форме тела и происходят от тесать, теша, где трудно выговариваемое „т” заменилось буквой „ч” [18]. В подтверждение предположения Л. П. Сабанеева мы добавим, что в изученных нами многочисленных лексикографических источниках подавляющее число лексем, служащих обозначением этой рыбы, указывают именно на её форму и лишь незначительная часть обнаруживает другие мотивы номинации, в частности эмоционально-экспрессивные (в сызранских говорах, например, „осетрова тёща”). Кроме того, славянские языки также подчеркивают именно форму рыбы: словац. *šabla*, чешск. *kosa*, *ostruha* (сравн.: *ostrúhat'* — обтесывать, срезать), польск. *ciosa*, сербск. *сабльарка*, *косач*, болг. *сабица* и т. д.

Яркие внешние особенности рыбы *Acipenser ruthenus* (стерлядь) нашли

многообразное отражение в её местных названиях. Заостренность формы особенно наглядна у молодых экземпляров этой рыбы. Поэтому носители различных диалектов в созданных ими названиях недомерков рыбы отразили их сходство с различными предметами быта, отличающийся остроконечной формой: богатое образами народное мышление обогатило национальный язык такими местными названиями рыб, как гвоздь (тобольские говоры), веретёнка (сравн. со словом „веретено“; донские говоры). Тот же признак отражен и в нижеволжском устаревшем названии взрослой особи: пиковка (сопоставьте со словом „пика“). В венгерской лексеме *kecsege* аналогичные мотивировочные признаки отыскать трудно. семантически можно было бы сблизить её со словами *kecsegtet* (прельщать), *kecses* (грациозный, изящный) в котери выражена общая оценка внешности рыбы.

Акад. Л. С. Берг, считая вероятным, что венгры, проходя на юго-запад через степи, которые позднее будут названы украинскими, в результате контактов с местным населением передали ему это слово, приводит в доказательство данные языка мари (суга, суге) и чувашского (сугу) [19]. Обратимся к фактам лингвистической географии. Действительно, на весьма значительной территории юга и юга-востока исследователи отмечают формы, близкие чувашской и марийской: на Дону, Днестре, Дунае-чига, в румынском языке *segă, sigă*, в болгарском-чига. На меньшей территории фиксируются варианты другого вида: чечуга (Днепр, Днестр), кечига-сербское, *czeczuga*-польское. Они, как видим, ближе стоят к современной форме венгерского языка, которая могла возникнуть несколько позже и вытеснить из общенародного употребления первичную, исконную форму. Появлению такой формы мог способствовать фактор образно-экспрессивного характера-оформление мотивировочного признака через связь со словом *kecsegtet* и его однокоренными.

Сходство рыб в пределах вида или подвида способствует возникновению в языке цепного переноса: название какой-либо рыбы, само возникшее в результате переноса, начинает использоваться индивидуумами для обозначения рыбы, по каким-то признакам сходной с первой. Рыба *Aspro Zingel* известна у русских рыбаков под названием чоп. А. Берлизов считает, что такое наименование дано ей по сходству с деревянной затычкой в бочке, называемой „чопом“. Предположение это не лишено оснований. Наличием в польском языке этого же названия рыбы (*czor czerny*) указанная этимология не опровергается, поскольку слово это в бытовом значении известно инославянским языкам: словен. *čer, čara* -виноградный сук; болг. чеп-сук; польск. *czor-затычка*. Рыба *Aspro Zingel*, по данным акад. Л. С. Берга, не имеет широкого распространения: она встречается в Дунае и его притоках, а также в Днестре (преимущественно в его верхнем и среднем течении [20]. Однако она имеет очень большое сходство с судаком: у судака, как и чопы, два спинных плавника, не слитых вместе. У судака зеленовато-серая спина, у чопы-желтовато-серая. У судака на плавниках ряд темных пятнышек, у чопы тело покрыто темными пятнышками. Такое сходство рыб содействовало переносу наименования с рыбы *Aspro Zingel* на молодые особи рыбы *Lucioperca volgensis*. Наше предположение подтверждается лингвистической географией. Слово „чоп“ в значении *Lucioperca volgensis* исследователи обнаруживают лишь в южных говорах России и Украины: в нижнем течении Дона, в Приазовье; на Днепре, Днестре, Дунае, то есть там, где бытует „чоп“ в первичном, исходном иктиологическом значении и где

активное взаимодействие локальных терминологических систем рыболовства способствовало расширению лингвистической географии слова.

При назывании рыб может осуществляться также перенос диалектной лексемы, называющей предмет какой-либо другой тематической микрогруппы, и, в свою очередь, также возникшей в процессе метафоризации. Выше мы говорили о возникновении рыболовецкого термина „гличка”. В некоторых русских, а также ряде украинских говоров (полтавских, днепропетровских, кировоградских) эта лексема по сходству формы реалий стала использоваться в роли ихтиологического термина: гличка-молодая щука на 600—700 граммов весом [21]. Особенности формы рыбы *Esox lucius* подчеркиваются также белорусским словом в Острица, севернорусским диалектным ножевка и другими. В приведенном случае, как и во множестве других, о которых рамки статьи не позволяют даже упомянуть, диалектная лексема в результате семантического словообразования хотя и расширила рамки своего употребления, однако не смогла преодолеть диалектного тяготения, не перешла на орбиту общенародного языка. Хорошо известно, какие неисчерпаемые клады образности скрывает в себе лексика диалектов, и лишь крайне незначительная часть её с трудом проникает в общенародный язык. Вскрывая причины этого, надо дифференцировать объективно существующие различия отношений внутри говора и отношений между говором и общенародным языком.

Лексема и общенародный язык. Общенародное слово функционирует в пределах всего языка. Специальный термин в отдельных случаях охватывает всю территорию языка, но не является принадлежностью всех носителей этого языка. Специальные термины к тому же могут иметь изоглоссы, чем создаётся противопоставленность общенародного слова не одному, а целому ряду синонимичных друг другу терминов или слов. В связи с этим функциональная роль общенародной лексемы возрастает: профессиональные и специальные региональные слова А, В, С, Д, Е и т. д. по своему употреблению делят всю территорию на отдельные части, в каждой из которых функционирует один из терминов, так что на территории X преимущественно употребляется термин А, отсутствуют термины С, Д, Е, известен термин В; на территории У, напротив, преимущественно употребляется термин С, известен термин Д, но совершенно отсутствуют термины А, В, Е. Отсутствие на территориях X и У определенного ряда терминов (слов) не нарушает взаимопонимания индивидуумов на каждой из этих территорий. Каждый диалект в функциональном смысле безразличен к количеству подобных терминов в других диалектах, образующих диалектный язык: этот диалект соприкасается лишь с весьма ограниченным числом других диалектов, а следовательно, их терминов (слов), отчетливо противопоставляясь лишь термину (слову) общенародного языка. С точки зрения же общенародного слова, увеличение числа территориально локализованных терминов (слов) усиливает их позиции, суживая круг носителей определенного местного термина (слова) и отдаляя возможность стать ему общенародным. Лексема и говор. Каждый лексический элемент входит в систему русского национального языка через конкретный говор, основу которого составляет общенародный словарь. В пределах одного говора то или иное слово может иметь несколько значений, образуя сложную лексико-семантическую структуру. Термин же в пределах данного профессионального терминологического поля преимущественно имеет одно значение. Значит, обозначению специальным словом понятия, названного общенародным словом, мешают в различной

степени удаленные от стержневого значения лексико-семантические варианты этого слова, его более частая, более широкая употребительность в пределах как отдельного диалекта, так и языка в целом. Напротив, однозначность термина не препятствует лексеме общенародного языка закрепиться за определенным терминологическим значением семантического уровня профессионального или территориального диалекта.

Переходим теперь к рассмотрению прямых наименований реалий по одному из их признаков. Характерной особенностью таких наименований является то, что в основу языкового обозначения кладется корень, выражающий всегда одно и то же значение. Здесь нет возникшего в какой-то момент объединения звучания и значения, до этого не представлявших именно такого единства. В основу нового слова кладется звуковой комплекс, постоянно закрепленный в системе языка за этим значением. Как и в словах, рассмотренных нами в первой части статьи, здесь также признак, по которому дано наименование, очевиден, он находится как бы на поверхности значения, хотя и не составляет этого значения. „Отношение между выдвинутым при назывании признаком и действительным значением слова, — пишет проф. Л. А. Булаховский, — не обеспечивает достаточной точности понимания: образ и значение между собой связаны только до некоторой степени; образ и словообразовательные значения являются лишь „наметкой” возможного содержания слова” [22].

При назывании рыб в русском языке чаще других используются два внешних признака: особенности формы рыбы в целом или отдельных её частей (плавник, глаза, челюсти и т. д.) и цвет. Последний признак в пределах терминологии рыболовства вообще обнаруживается только в названиях рыб.

В русском языке для рыбы *Perca fluviatilis* используется слово окунь. Ряд этимологов связывают его со словом „око” (А. Brückner, А. Преображенский). Последний, однако, указывает на суффикс -унь (-unjo) как на едва ли не единственный с таким значением. В венгерском языке этимология слова *sügér*, видимо, не связана с мотивировочным признаком, избранным славянскими языками. И всё же судьба этого венгерского слова имеет нечто общее со словами той же семантики славянских языков. В русском языке известен глагол „ершить-ся” (от сущ. „ёрш”-рыба *Acerina cernua*) в значении „проявлять неуживчивость; горячиться, спорить”. В польском языке это же значение выражается фразеологизмом *okoniem stawac*, в котором употребляется слово *okon* (рыба *Perca fluviatilis*). Объяснить такое соответствие в русском и польском фразеологизмах можно только существованием у окуня и ерша каких-то общих особенностей. В немецком языке окунь обозначается словом *Barsch*, ёрш-*Kaulbarsch*. Таким образом, свойственное славянским языкам противопоставление указанных пород рыб в немецком уже в значительной степени нейтрализуется, носители же венгерского языка обратили на внешнее сходство рыб больше внимания, и противопоставление здесь уже окончательно исчезает: *sügér* — 1. рыба *Perca fluviatilis*. 2. рыба *Acerina cernua* L. Заметим, однако, что в венгерском языке имеется и отдельное слово для называния ерша — *vágó durbins*. Однако это не меняет положения.

На происхождение названия вырезуб в настоящее время нет ещё единой точки зрения. Одни ученые считают, что такое название рыба *Rutilus frisii* (Nordm.) получила от слова „вир”. У В. Даля: „Вир-омут и водоворот, ямина под водойс родниками или с коловоротом быстрого течения” „Толковый словарь”, т. I, стр. 206). „Вырезуб”, естественно, — пишет П. И. Жуков, —

это „живущий и питающийся на вирах” [23]. Представители другой точки зрения полагают, что в основу наименования было положено языковое обозначение одной из внешних особенностей рыбы-форма её зубов (Ф. Миклошич, Я. Грот). Ссылаясь на мнение этих лингвистов, М. Фасмер предпочитает его, приводя также польский вариант *zębak*, восходящий к слову „зуб” [24]. Небезынтересно обратиться к мнению ихтиолога: „От всех карповых она (*Rutilus frisii* — В. М.) резко отличается ... всего более своими необычайно крепкими глоточными костями и зубами, откуда и произошло её название-вырезуб” [25]. Мы разделяем вторую точку зрения: название рыбы связано с тем, что некоторые из зубов, которых у нее немного, в нижней части как будто имеют вырезку.

Венгерское слово *fríz-koncér* пошло по другому пути. Как и в случае с *sügér*, оно выразило представление о связи данного вида с другим видом семьи *Rutilus*:

латинский термин	русское слово	венгерское слово
<i>Rutilus rutilus</i>	плотва	<i>veresszárnyú koncér</i>
<i>Rutilus frisii</i> /Nordm./	вырезуб	<i>fríz-koncér</i>

Здесь, однако, не произошло полного языкового отождествления реалий, как это было в случае с *sügér*. По ряду внешних признаков плотва весьма сходна с рыбой *Scardinius erythrophthalmus*, что в процессе общения является причиной нередкой взаимозамены их названий. Возможно, это заставило подчеркнуть особенность боковых плавников рыбы в помощью определения *veresszárnyú*, в то время как в названии рыбы *Scardinius erythrophthalmus* венгерский язык особо выделил цвет глаз рыбы: *pirosszemű kele* (сравните: в белорусских говорах красноглазка, в польских *szerego*). В русском общенародном языке для обозначения всех трех разновидностей рыб выбраны разнородные признаки, поэтому в последнем случае языку ничто не мешало в качестве мотивировочного признака избрать цвет плавников: красноперка.

Сопоставляя венгерские и русские общенародные названия рыб, мы пришли к выводу, что в венгерском языке в большей степени, чем в русском, эти названия указывают на объективно существующие генетические связи рыб. Это достигается посредством введения в термин наименования близкой по происхождению рыбы. Покажем это на конкретных фактах обоих языков.

Берш является разновидностью судака, от которого он отличается наличием на жаберных крышках сплошной чешуи и меньшими размерами. Вот как эта общность выразилась в русском и венгерском языках:

латинский термин	русский язык	венгерский язык
I. <i>Lucioperca volgensis</i> /Gmelin/ <i>Lucioperca lucioperca</i> /L/	берш судак	<i>kőssüllő</i> <i>fogassüllő</i>

Приведем также другие примеры:

2. <i>Leuciscus cephalus</i> <i>Leuciscus leuciscus</i> /L/	голавль елец	<i>fejes domolykó</i> <i>nyúldomolykó</i>
3. <i>Abramismis brama</i> <i>Abramis sapa</i> <i>Abramis ballerus</i> L. <i>Abramis vimba</i>	лещ белоглазка синец рыбец	<i>dévérkeszeg</i> <i>bagolykeszeg</i> <i>laposkeszeg</i> <i>évakeszeg</i>

4.	Acipenser stellatus	севрюга	sőregtok
	Acipenser güldenstädti	осётр	tok, vágótok
	Acipenser nudiiventris	шип	simá tok
5.	Osmerus eperlanus	корюшка	viasz lazac
	Stenodus leucichthys	белорыбица	fehér lazac
	Salmo salar	лосось, сёмга	lazac
	Salmo trutta	кумжа	lazacpisztrang
6.	Salmo trutta	кумжа	lazacpisztrang
	Salmo trutta fario	пеструшка	pisztráng

Приведенные здесь общенародные названия рыб отнимают место этих рыб в системе ихтиологических особей и в этом плане сближаются с научными терминами.

В статье не было возможности показать во всем многообразии того богатства мотивировочных признаков, которыми обладает русский язык в обозначении всего, что связано с рыболовством. Мы попытались обратить внимание на те стороны терминоположения, которые не стали еще предметом широкого изучения. Особенно это касается изучения в сопоставительном плане мотивировочных признаков, служащих для создания в разных языках тождественных по значению слов. Применение сравнительно-исторического метода в лингвистических исследованиях позволило обнаружить материальные соответствия звуков и морфем в разных языках, установить генетическое родство языков и с этой точки зрения классифицировать их, представить морфологические модели сознания слов в языках. Семантические же сопоставления оказались по объективным причинам вне поля зрения сравнительно исторического метода. Полное и системное изучение мотивировочных признаков слов разных языков может дать богатый материал как для выяснения истории отдельных слов в языках, так и для разработки проблем номинации в плане общего языкознания.

ПЕРЕЧЕНЬ СНОСКОК

- [1] А. А. Потебня, Мысль и язык. Изд. 2, Харьков, 1892, стр. 107—108.
- [2] Nyíri Antal, A kiháló szentesi víziélet néprajzi és néprnyelvi maradványai. Szeged, 1948, о. 48. В дальнейшем при ссылке на эту работу пользуюсь сокращением в тексте: „Nyíri”. Далее следует указание на страницу этой книги.
- [3] АН СССР. ИРЯ. Словарь современного русского литературного языка, Т. 5, М.—Л., 1956, стл. 1753—1754.
- [4] Jankó J. A magyar halászat eredete. Budapest, 1900, о. 201—202.
- [5] А. М. Рот, К вопросу о древней ших венгерско-восточнославянских языковых контактах. „Slavia”. Дебрецен, 1967, стр. 32.
- [6] Б. К. Гиндзе, Предварительный отчет о поездке с ихтиологической целью в Вилейский, Виленский, Свенянский и Троцкий уезды Виленской губернии. „Рыболовство и рыбобоводство в Северо-Западном крае”. М., 1907, стр. 136.
- [7] Э. В. Копылова, Профессионально-терминологическая лексика рыбаков Волго-Каспия. Канд. дисс. Саратов, 1968, т. 2, стр. 55.
- [8] Д. С., Лихачев, Аргоические слова профессиональной речи. „Развитие грамматики и лексики современного русского языка”. М., 1964, стр. 334.
- [9] W. N. Wojnikanis—Mirski. Narzedzia potowu rybotowstwa przemystowego. Т. 2, Warszawa, 1955, стр. 342.
- [10] Н. Цанков, Рыболов с въдица. София, 1956, стр. 40.
- [11] А. Спасова, За някои еднаки елементи в българската и румънската морска рибарска терминология. „Български език”, кн. 4—5, София, 1965, стр. 355.

- [12] В. С. Богораз, Областной словарь колымского русского наречия. „Сборник Отделения русского языка и словесности”, т. 68, № 4, СПб., 1901.
- [13] Р. А. Будагов, К проблеме устойчивых и подвижных элементов в лексике. „Известия АН СССР. Отделение литературы и языка”, 1951, т. 10, в. 2, стр. 108.
- [14] АН СССР. ИРЯ. Словарь современного русского литературного языка, т. 12, М.—Л., 1961, стл. 1138—1142.
- [15] И. Д. Кузнецов, Терские речные и притерские морские рыбные промыслы. СПб., 1898, стр. 72.
- [16] Ф. И. Баранов, Неводной лов. М., 1936, стр. 13, 15.
- [17] Цитируется по „Философским тетрадам” В. И. Ленина. Собр. соч., изд. 4, т. 38, стр. 385.
- [18] Л. П. Сабанеев, Жизнь и ловля пресноводных рыб. Изд. 5, Калининград, 1959, стр. 490.
- [19] Л. С. Берг, Названия рыб и этнические взаимоотношения славян. „Советская этнография”, 1948, № 2, стр. 68.
- [20] Л. С. Берг, Рыбы пресноводных вод Российской империи. М., 1916, стр. 399.
- [21] Г. Д. Тарасенко, Місце рибальської лексики Середньо Наддніпрянщині в словниковому складі української мови. АН УССР, „Діалектологічний бюллетень”, Київ, 1961, стр. 58.
- [22] Л. А. Булаховский, Введение в языкознание. Ч. 2, М., 1953, стр. 14.
- [23] П. И. Жуков, Определитель рыб БССР. Минск, 1960, стр. 53.
- [24] M. Vasmer, RUSSISCHES etymologisches Wörterbuch. Heildelberg, 1953, b. I, s. 241.
- [25] Л. П. Сабанеев, Цитирован. работа, стр. 387.

A NOMINÁCIÓ FOLYAMATAI AZ OROSZ NYELV HALÁSZATI SZÓKINCSEBEN

Írta: V. I. Makarov

Bár az összehasonlító-történeti módszer a nyelvek rokonságát, valamint a bennük levő különböző megegyezéseket is segített megállapítani, a szavak szemantikai történetének tanulmányozásakor mégsem alkalmazták széles körben. Az egyes szavak történetének és a különböző nyelvek kapcsolatainak magyarázatához, valamint a nomináció problémáinak megoldásához gazdag anyagot szolgáltathat a különböző nyelveknek a szóban forgó tárgyak megnevezését alkotó ismertetőjegyek felhasználása szempontjából történő összehasonlítása. A tanulmányban a szerző kísérletet tesz néhány olyan ismertetőjegy kimutatására, amelyek az orosz halászok szakszavainak megjelenését előidézték. Ugyanakkor a szláv nyelvek és a magyar nyelv halászati szókincsével veti össze elemzett anyagát. Az elemzett anyag két részből áll: *a)* azok a szavak, amelyek szemantikai szóalkotás eredményeképpen keletkeztek; *b)* direkt elnevezések a tárgy valamely ismertetőjegye alapján (ez a rész a halak megnevezésére korlátozódik). A szerző konkrét anyagon ismerteti a metaforikus eredetű terminológia sorsát: az orosz és magyar nyelvből vett példák arra mutatnak, hogy a szakszavak ún. motivált ismertetőjegyeinek megegyezése nem mindig vezethető vissza kölcsönzésre, hanem a megegyezés a két nyelv azonos motivált ismertetőjegy kiválasztásának eredménye is lehet.

A direkt elnevezés főképpen a halak külső ismertetőjegyeinek megfelelően a testforma és a szín alapján alakul ki. A halak magyar és orosz neveinek összehasonlítása arra az eredményre vezetett, hogy a magyar nyelvben a megnevezések gyakran a halak objektíve létező genetikai kapcsolatait hangsúlyozzák oly módon, hogy a megnevezés szakszavába belekerül egy más, származását tekintve rokon hal neve: kössüllő, fogassüllő, ; fejes domolykó, nyúldomolykó; dévérkeszeg, bagolykeszeg, laposkeszeg stb. Ezek az elnevezések a megnevezés elvei szerint közel állnak a tudományos terminusokhoz.

A kölcsönzések eredetével kapcsolatos kérdések megoldásakor a tanulmány felhasználja a nyelvészeti földrajz adatait is.